

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, доцента, ведущего научного сотрудника Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» Головашиной Оксаны Владимировны на диссертационное исследование Артамонова Дениса Сергеевича «Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7. – Социальная и политическая философия

Актуальность темы диссертационного исследования заключается в том, что в современной цифровой эпохе медиа играют ключевую роль в формировании и сохранении коллективной памяти. Медиа тексты, платформы и практики влияют на наше представление о прошлом, социальной истории и культуре. Это открывает новые перспективы для исследования взаимодействия медиа с памятью и идентичностью, а также для понимания процессов формирования, передачи и интерпретации образов прошлого. В современном мире, где происходят глобальные изменения, коллективной памятью, по мнению автора, трансформируется в медиапамять, что имеет как потенциальные опасности (фейки, эмоциональное восприятие прошлого, мемориальные конфликты), так и возможности, которые кроются в демократизации механизмов конструирования представлений о прошлом. Включение традиционных средств массовой информации в цифровое пространство, а также рост социальных медиа, которые стремятся вовлечь каждого пользователя, приводят к изменениям в способах передачи образов прошлого, что говорит о необходимости изучения процессов изменения коллективной памяти под влиянием медиа. В современной цифровой эпохе средства массовой информации, социальные сети и интернет играют решающую роль в формировании и распространении коллективной памяти. Из-за этих и других факторов изучение коллективной памяти и ее влияния на современный мир остается актуальной и многогранной областью исследований в современной науке и культуре. Таким образом, обращение Д. С. Артамонова к социально-философскому осмыслению сюжетов, развивавшихся в рамках теории *memory studies*, представляется чрезвычайно важным и своевременным.

Степень обоснованности научных положений и выводов диссертационного исследования Артамонова Д. С. не вызывает сомнений. Научные положения, выносимые на защиту, соответствуют целям и задачам, поставленным в диссертации. Качество представления диссертантом результатов исследования составляет одну из сильных сторон работы. Для реализации поставленных задач автор привлекает большое количество как

теоретического (434 наименования списка литературы, в том числе 79 иностранных источников), так и эмпирического материала, что свидетельствует о глубоком погружении в тематику изучаемого вопроса. Точность выводов достигается автором путем применения комплексного методологического подхода к исследованию, взаимосвязью применяемых методов и их соответствием поставленным целям и задачам. Апробация диссертационного исследования произведена на 57 научных конференциях международного и всероссийского уровня, выводы и результаты работы отражены в 70 публикациях общим объемом 53 печатных листа, из них 1 авторская и 3 монографии в соавторстве, 17 статей в журналах, входящих в перечень ВАК РФ, 9 статей в изданиях, индексируемых международными базами данных.

Научная новизна положений и выводов, полученных автором диссертации. В работе прослеживается установка на изучение проблемы трансформации коллективной памяти в условиях медиатизации коммуникационного пространства современного общества. Определение цели исследования во много предопределило использование диссертантом коммуникационного подхода для изучения коммеморативных практик и методов производства исторического знания в цифровом мире. Автор справедливо полагает, что представления о прошлом формируются через процессы коммуникации с участием медиа. На этом основании в диссертации предлагается новая концепция медиапамяти как формы коллективной памяти, которая возникает в результате цифровизации способов хранения и передачи представлений о прошлом. В рамках этой концепции вводится в научный оборот понятия «хисторихакинг», описывающее способы познания и репрезентации истории в медиасфере в условиях цифровых технологий, и «социально-эпистемические арены», представляющие собой коммуникационные площадки для производства исторической информации и представлений о прошлом в медиапамяти. Использование этих терминов позволяет автору представить адекватную картину влияния практик гражданской исторической науки и публичной истории на конструирование коллективно разделяемых представлений о прошлом.

Новизна темы исследования состоит также в том, что коммуникационное пространство медиапамяти является относительно новым объектом исследования. Ранее, исследования в области коллективной памяти и идентичности концентрировались в основном на традиционных формах передачи информации, таких как книги, музеи или устное народное творчество, средства массовой информации. Однако, с появлением новых медиатехнологий и платформ, появилась возможность исследовать, как социальные медиа влияют на формирование и сохранение образов прошлого в современной цифровой культуре. Эта работа призвана заполнить пробелы и предоставить более глубокое понимание взаимодействия медиа и коллективной памяти в современном обществе. Диссертационное исследование основано на различных научных методах и подходах, проведен

анализ большого количества литературы, медийных текстов и визуальных образов, а также коммеморативных цифровых практик.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Данное исследование представляет собой важный вклад в область социальной и политической философии. Изучение коллективной памяти в контексте цифрового коммуникационного пространства расширяет теоретические рамки исследовательского направления *memory studies*, а также открывает новые возможности для анализа восприятия прошлого. Данное диссертационное исследование является значимым вкладом в разработку методологии исследования коллективных представлений цифровыми методами. Материалы исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ и лекционных курсов по широкому спектру гуманитарных дисциплин и найдут применение в прикладных проектах цифровой гуманитаристики. Выводы исследования могут быть использованы при разработке государственной политики памяти и определении стратегии популяризации исторического знания в цифровом мире.

Содержание диссертации. Работа Д. С. Артамонова состоит из введения, четырех глав, включающих в себя двенадцать параграфов, заключения и списка литературы. Она изложена на 356 страницах.

Первая глава включает в себя три параграфа и предлагает авторскую разработку понятия медиапамяти в контексте коммуникационного подхода. В диссертации утверждается, что философская мысль, обращавшаяся к проблеме памяти, не ограничивалась только индивидуальным аспектом. Данный тезис подтверждается в диссертации тщательным анализом философских идей о том, что помимо воспоминаний, возникающих из личного опыта, в сознании присутствуют представления о прошлом, которые формируются коллективно внутри общества. Это позволило показать автору, что коллективные воспоминания пронизывают язык, знаки, ритуалы и другие аспекты коммуникативного социального действия.

В диссертации автор обращается к изучению традиционной для *memory studies* социальной теории, представленной именами философов конца XIX - начала XX веков: А. Варбурга, А. Бергсона, Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, но он рассматривает коммуникационный аспект их идей, что позволило сделать значимые выводы для определения социальной природы коллективной памяти. Говоря о понимании коллективной памяти Дж. Г. Мидом, А. Шюцем, П. Бергером, Т. Лукманом и Н. Луманом, автор справедливо полагает, что эти исследователи утверждали важную роль памяти в создании социальной реальности через развитие социальных отношений. Понимая, как символическая знаковая система коллективной памяти функционирует в социальной системе, они могли объяснить ее коммуникативную природу. Это позволило автору диссертации удачно использовать основные идеи теоретиков коммуникации, таких как М. Маклюэн и Ю. Хабермас, для рассмотрения коллективной памяти в контексте коммуникационных процессов. Автор диссертации полагает, что

коммуникационная парадигма в исследовании коллективной памяти является наиболее перспективной, особенно в современном цифровом обществе. С этим положением нельзя не согласиться, так как коллективно разделяемые представления о прошлом формируются социально и подвержены влиянию процессов коммуникации, действуя на способы сохранения, воспроизводства и забвения социокультурной информации.

Рассматривая концепции культурной и коммуникативной памяти Ю. М. Лотмана и Я. Ассмана, анализирующих процессы коллективной памяти в контексте устной и письменной коммуникации, автор диссертации приходит к выводу, что эти теории не учитывают воздействие медиа на создание и передачу воспоминаний в современную цифровую эпоху. Действительно сегодня можно наблюдать определенный кризис в исследованиях представлений о прошлом, опирающихся на теоретиков культурной памяти. Автор также подробно рассматривает исследования Дж. Олик, М. Феррарисса, Дж. Фентресса и К. Уайкема, которые подчеркивают коммуникативные аспекты коллективной памяти, но не уделяют достаточного внимания роли медиа в этом процессе. По мнению диссертанта, в современных теориях цифровой памяти авторства Дж. Гарде-Хансен и Э. Хоскинса уделяется большое внимание коммуникативным характеристикам памяти в цифровой эпохе, но, тем не менее, эти концепции также не учитывают специфику коммуникативного пространства цифровой среды, а также важность медиа в формировании социальных взаимодействий и коммуникации. Таким образом, справедливо полагает автор, существующие теории коллективной памяти не могут полностью объяснить механизмы конструирования и функционирования представлений о прошлом, особенно в эпоху цифровых медиа. По мнению Д. С. Артамонова, в цифровую эпоху появляется новая форма коллективной памяти — медиапамять, которая представляет собой коммуникационный механизм для формирования представлений о прошлом с использованием медиа. Он включает в себя разнообразные элементы, такие как каналы коммуникации, информационные цифровые технологии, практики коммеморации, стратегии визуализации, способы репрезентации и распространения исторических образов. Эти элементы перешли в цифровой мир и сегодня стали его ключевыми характеристиками. Удачным видится определение медиапамяти как коммуникационного феномена, синтезировавшего в себе различные формы коллективной памяти, характерные для эпохи доцифровых технологий: коммуникативную память, культурную память, социальную память и историческую память. Введение в научный оборот данного термина позволяет объяснить цифровую трансформацию всех форм коллективной памяти, обладающих общим свойством — коммуникационностью, в условиях когда медиа стали главным посредником всех процессов коммуникации.

Вторая глава включает в себя три параграфа, раскрывающих авторскую интерпретацию исторической эпистемологии цифровой эпохи. Основным тезисом этой главы является утверждение, что в современном мире

производство исторических знаний больше не является прерогативой только академических историков. С этим необходимо согласиться, так как создание и распространение исторической информации переходит в сферу социальных медиа и в руки миллионов интернет-пользователей. Люди становятся активными создателями исторического контента, выражая свои версии исторической правды, воспроизводя историческую реальность, тем самым удовлетворяя собственные потребности в самовыражении и развлечении. В цифровом мире представления о прошлом формируются в социальных медиа с использованием коммеморативных практик, массовых и локальных цифровых проектов, в исторических блогах и видеоблогах. Все это демонстрирует новый вид активности пользователей, который в диссертации получил название «хисторихакинг», под которым автор понимает изменение исторических знаний, соответствующих запросам общества на актуальную историческую память, независимо от того, достоверны или нет исторические факты. Введение данного термина позволяет решить проблему описания процессов производства исторического знания, которое соответствует общественным потребностям. Сегодня необходимо пересмотреть роль профессиональных историков в научных исследованиях, так как происходит очевидное слияние академического и обыденного исторического знания благодаря цифровым технологиям, что с успехом делает автор диссертационного исследования. Его выводы убедительны, так как действительно историческое знание все больше сближается с коллективной памятью, и эти явления формируются в процессе многоканальной коммуникации на социально-эпистемических аренах. Использование термина социально-эпистемические арены, которые представляют собой коммуникационные площадки, где происходит производство исторического знания, позволяет автору говорить о коммуникационном контексте коллективной памяти. Работа социально-эпистемических арен следует принципам риторических арен в коммуникационном пространстве, гражданской науки и подчиняется логике медиа. Это новое понимание процессов производства исторического знания, вызванных информационными технологиями и социальными медиа, разрабатывается автором через призму исторической эпистемологии, учитывая социальные условия познания. Пересеченность между исторической эпистемологией и социальной эпистемологией позволяет автору более глубоко исследовать социально-эпистемические арены и разработать эффективные методологии их анализа, что может быть положительно оценено для развития данной области науки.

Описывая участие масс интернет-пользователей в производстве исторического знания, автор использует понятие «умные толпы», понимая под ними большие группы людей, объединенные цифровыми технологиями. Использование данного термина не ново для социальных наук, но автор диссертации удачно применяет его для характеристики принципов новой цифровой солидарности, на основании которых происходит эффективное

взаимодействие в различных проектах гражданской науки, в том числе и исторических. История для масс, как это хорошо показано в диссертации, перестает быть абстрактной наукой и начинает восприниматься как их собственный продукт научного творчества. В результате, историческое знание переходит в сферу памяти, интегрируясь в медиа, которые его распространяют и обогащают содержание медиапамяти. «Умные толпы» интернет-пользователей становятся социальными агентами в процессах формирования и воспроизводства медиапамяти.

Третья глава содержит проработку механизмов конструирования медиапамяти в контексте «демократизации» и цифровизации истории. Для автора диссертации цифровая история не просто методологический подход, использующий информационные технологии для изучения прошлого, а скорее изучение истории цифрового общества. Это справедливо, так как накопление огромных объемов исторической информации не привело к созданию обширных теоретических исследований всеобщей истории. Современные историки сосредотачиваются на истории отдельных сообществ и событий, а создание философии истории, осмысляющей исторический процесс в целом, по мнению автора, требует участия «умных толп». Цифровая философия истории рассматривается диссертантом как глобальный гипертекст с перекрестными ссылками, что, несомненно, интересно и представляет собой оригинальную мысль. Знание об истории, по мнению автора, подвержено интерпретациям и распространяется через гиперссылки, цитирования и репосты в сети Интернет. Действительно, цифровизация обогатила гуманитарную науку новыми методами познания, включая цифровую гуманитаристику, однако, отсутствие глобальных историософских концепций и недостаточность существующих категорий для описания цифрового мира требуют разработки цифровой философии истории. В диссертации предполагается, что цифровая философия истории может стать научной дисциплиной, занимающейся созданием теории цифрового общества и осмыслением его истории, а также определением будущих научных направлений. В данном контексте в диссертационное исследование можно рассматривать как значимый вклад в разработку этой теории.

В контексте «демократизации» и медиатизации истории автором раскрыта роль исторической лженауки в конструировании представлений прошлом. Выводы автора не вызывают возражений, так как интеллектуальные процедуры в исторической лженауке чаще основаны на воображении, а не на чистом знании. «Творцы» лженауки уделяют много внимания медийной известности, их язык соответствует массовой культуре, а концептуальное содержание доступно для трансляции современными медиа. Знание, создаваемое исторической лженаукой, предназначено для масс и выражается на языке масс, именно поэтому оно служит манипуляциям массами и пользуется популярностью. Однако, автор помнит, что лженаука существует только благодаря науке, и она вторична по отношению к науке, и четко разводит данные понятия. По его мнению, роль лженауки в осуществлении

мировоззренческих функций проявляется после того, как наука уже создала исходную картину прошлого и систему оценок.

В концепции цифрового поворота автор исследует также трансформацию социальной мифологии и ее место в структуре медиапамяти. Цифровой поворот в социальной мифологии, по его мнению, означает использование цифровых технологий и социальных медиа для создания и изучения мифов. Автор рассматривает цифровую мифологию как научное направление и систему социальных цифровых мифов, которые существуют в виртуальном мире, что может вызывать споры, но его позиция достаточно аргументирована. Цифровые мифы объединяют образы массовой культуры и архаических мифов, используя цифровые технологии, и распространяют их через социальные медиа. Интернет дает возможность каждому пользователю стать мифотворцем, создавая мифические нарративы, которые становятся частью повседневной реальности и медиапамяти. Пользователи Интернета упаковывают цифровые мифы в информационные сообщения, чтобы выразить свое эмоциональное отношение к действительности и свой взгляд на мир. Цифровые мифы проявляются в селфбрендинге, постправде, фейках, интернет-мемах, компьютерных играх и многом другом. Они стали неотъемлемой частью цифрового мира и используют механизмы конструирования представлений о прошлом. Данная аргументация позволяет согласиться с автором, что в рамках социальной мифологии необходимо уделять особое внимание цифровым мифам, но стоит ли выделять особую область научных исследований остается на усмотрение диссертанта.

Четвертая глава направлена на исследование элементов медиапамяти в эпоху постправды. Одним из них, несомненно, являются фейки. В диссертации впервые дан анализ исторических фейков, которые представляют собой сложные гибридные коммуникационные инструменты, включающие фейковые профили и фейковые сообщения, сочетающие элементы разных жанров, объединяя игровой аспект с медийным текстом, и транслируя манипулятивное содержание. Автор справедливо полагает, что интернет-фейки функционируют как система, в которой участвуют как боты, так и реальные пользователи социальных сетей, они производят и распространяют эмоционально насыщенный контент в различных жанрах. Высокую оценку можно дать исследованию автором феномена исторического фейка, являющегося одним из видов интернет-фейков, и который содержит фальсифицированную информацию о прошлом или исторических событиях. Автором очень хорошо, на примерах, показано, что в условиях постправды создание материальных доказательств становится излишним и достаточно имитации открытия новых источников или интерпретации исторических событий, которые актуальны для современного общества. Исторический фейк — это новое коммуникационное явление, требующее междисциплинарного исследования и рецензируемое диссертационное исследование удачно демонстрирует данный подход. Для автора значимым

является тот факт, что исторические фейки включают в себя разнообразные слои медиапамяти, эффективно воздействующие на коллективные эмоции.

Другим коммуникационным инструментом, ставшим элементом медиапамяти, в диссертации назван интернет-мем. Вполне очевидным представляется декларируемый автором тезис, что в современной цифровой эпохе интернет-пользователи активно участвуют в массовом создании визуальных исторических образов в медиaprостранстве. Это становится одним из основных способов формирования социальных и исторических мифов, которые тесно вплетены в структуру медиапамяти. Визуализация исторических событий в медиа усиливает эмоциональный аспект восприятия прошлого и порождает чувство ностальгии по ушедшим историческим реалиям. Автор успешно доказывает, что ностальгия стирает границу между историей и памятью, превращая историческое знание в средство представления представлений о прошлом. Бесконечное создание и репродукция визуальных исторических образов приводит к многозначности их интерпретаций и семантических значений, что в свою очередь способствует симуляции исторической реальности в виртуальном мире.

В диссертации дается авторское определение интернет-мема как коммуникационного феномена, с помощью которого интернет-пользователи участвуют в создании цифровой культуры, и при этом они отражают образы прошлого, способствуя визуализации медиапамяти. Такая характеристика мема позволяет дать его непротиворечивое описание и, в то же время, позволяет охватить все многообразие этого жанра цифровой коммуникации. По мнению автора, интернет-мемы всегда сочетают в себе представления о прошлом с элементами современной массовой культуры и актуальными событиями, что является значимым открытием, позволяющим объяснить искажение прошлого в массовом сознании. Поэтому вывод автора, что смешение различных фрагментов медийного контента и исторической информации в интернет-мемах создает новый цифровой продукт, который оказывает значительное воздействие на медиапамять, не вызывает возражений.

Компьютерные игры, по мнению автора диссертации, выполняют двойную функцию в отношении истории: они воссоздают исторические события и культуру прошлого, но при этом трансформируют их для соответствия игровым условиям. Положительно можно оценить вывод автора, что исторический материал, представленный в виде компьютерной игры, оказывает влияние на формирование медиапамяти. Путем анализа компьютерных игр можно понять, как они воспроизводят действительные исторические события, воссоздают атмосферу повседневности, опираются на культурные особенности различных народов и создают образы прошлого. Использование материала компьютерных игр для анализа коллективных представлений о прошлом является также сильной стороной диссертации.

Диссертация выполнена на хорошем стилистическом уровне, отражает широкую эрудицию автора и его способность к философской рефлексии. Теоретические построения автора обоснованы эмпирически. О большом объеме проделанной автором работы свидетельствует и библиография. Выводы лаконичны, логичны и самостоятельны.

Вместе с тем, работа вызывает ряд замечаний.

1. Говоря о медиапамяти, диссертант не предлагает достаточно четкого определения медиа. По тексту работы можно предположить, что речь идет только о цифре, однако существуют довольно авторитетные подходы, которые ориентируются на более широкую дефиницию, и отсутствие прописанной авторской позиции затрудняет понимание тезисов работы. К тому же, в тексте диссертационного исследования есть примеры про восприятие войны 1812 года современниками или постановку «Взятие Зимнего дворца» 1920 года (с. 83). Это замечание особенно важно в контексте коммуникационного подхода, предлагаемого диссертантом, который также, сам по себе, может быть не связан с цифровыми медиа.

2. Конечно, историческое знание меняется под влиянием медиа, однако тезис автора о нивелировании границ между историческим знанием и памятью (с. 146) кажется несколько преждевременным. Значит ли это, что историк, публикуя в авторитетном академическом журнале свои исследования, ориентируясь на коллег, производит медиапамять? Автор утверждает, что «современная историческая наука не может существовать только в мире академических исследований» (с. 142); безусловно, существует тенденция, связанная с активностью некоторых историков в публичных медиа, но говорить о том, что эта тенденция характерна или, тем более, должна быть характерна для «современного историка» не очень убедительно. Можно согласиться с тезисом о том, что «историческое знание — это знание также и об коллективной памяти, и между ними все труднее становится провести границу» (с. 136), но это не значит, что границы нет. Возможно, эти замечания могли бы быть нивелированы более подробным анализом того, что автор называет историческим знанием. Если для автора историческое знание тождественно представлениям, репрезентациям или любой информации о прошлом, то, касается ли такая трансформация знания только исторической науки? Можно ли говорить о том, что медиа сближают представления и знания о химии, медицине, математике?

3. Хотелось бы прояснить тезис автора о том, что медиапамять является инструментом манипулирования (с. 209). Понятно, что цифровая среда может быть полем для внушения каких-либо необходимых акторам образов и представлений. Однако, если медиапамять, как утверждает автор, связана с активностью пользователей, свободно создающих и распространяющих интересующий их контент, кто является агентом манипулирования? Кейсы, которые рассматривает автор, показывают только инициативу и активность «умной толпы», но сложно предполагать, что она манипулирует сама собой.

Этот вопрос, прежде всего, касается структурных особенностей медиапамяти, которых автор не касался в своей работе, то есть, если медиапамять выступает в качестве инструмента, значит, должны быть агенты, которые стоят над манипулируемыми, следовательно, каналы медиапамяти предполагают какую-то иерархию.

4. Диссертант говорит о том, что «в цифровую эпоху массовое производство визуальных исторических образов в медиaprостранстве усилиями интернет-пользователей становится одним из главных способов конструирования социальных мифов» (с. 277), однако приведенные им примеры свидетельствуют, скорее, о проявлении представлений о прошлом в сознании пользователей и их трансляции, чем именно о конструировании.

5. Так же, сложно согласиться с тезисом о том, что «коллективная память общества сегодня зависит главным образом не от научных исследований и работ популяризаторов исторической науки, а от идеологических установок, произведений массовой культуры, которые транслируются по разным каналам, в том числе и по цифровым» (с. 279). В отличие от исторического знания, коллективная память никогда не была продуктом научных исследований или популяризаторов исторической науки.

6. Автор утверждает, что «память из личного и культурного пространства перемещается в сферу медиа, что позволяет говорить о появлении медиапамяти» (с. 77), однако не очень понятно противопоставление медиа и культуры, а также соотношение этих понятий. Почему медиа не может быть частью культурного пространства? Насколько медиа независимы от культуры, чтобы говорить о таком противопоставлении?

7. Можно согласиться с утверждением автора о том, что «медиапамять обеспечивает транспоколенческую, диахроническую целостность медиaprостранства, она позволяет использовать прошлое для проектирования будущего, формируя коллективную идентичность как фундамент социальной Солидарности (с. 232), однако эти качества характерны для коллективной (социальной) памяти вообще.

8. Также напоминаем автору, что известную исследовательницу памяти Йетс зовут Френсис, следовательно, при пересказе ее взглядов корректней употреблять женский род.

Заключение. Сформулированные замечания не отменяют общую положительную оценку работы. Автореферат соответствует основным положениям диссертации и содержит их обоснование.

Диссертация Артамонова Дениса Сергеевича «Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества» является самостоятельным, законченным, квалификационным исследованием, в котором решается актуальная научная задача. Ее выводы обладают теоретическим и практическим значением.

Все изложенное позволяет заключить, что диссертация Артамонова Дениса Сергеевича «Медиапамять в коммуникационном пространстве

цифрового общества» соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия.

Официальный оппонент:

доктор философских наук (09.00.11 – Социальная философия; 09.00.01 – Онтология и теория познания), доцент, ведущий научный сотрудник ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Головашина Оксана Владимировна

22.11.2023

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Почтовый адрес: 620002, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Контактный телефон: 89202312521

E-mail: ovgolovashina@urfu.ru

Оксана Владимировна Головашина
С.В. Головашина